

УДК 821.161.1(092)Маковский С.К.
ББК 83.3(2=411.4)6-8Маковский С.К.
DOI 10.25281/2072-3156-2024-21-3-312-322

Н.Н. НОСОВ

ПОЭЗИЯ «НЕЗДЕШНИХ ИСТИН» СЕРГЕЯ МАКОВСКОГО

Я знаю, что когда-нибудь русский читатель поймет и оценит.
Всею свое время.

С.К. Маковский [1, с. 350]

Николай Николаевич Носов,

Российская государственная библиотека,
научно-исследовательский отдел библиографии,
старший научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия

ORCID 0000-0001-6079-2677; SPIN 7786-8622
Nossov1984@mail.ru

Реферат. Статья посвящена поэзии искусствоведа Сергея Константиновича Маковского (1877–1962), впервые рассматриваемой как самодовлеющее явление. Характеризуется восприятие Маковского как поэта современниками и потомками. Дана попытка ответа на вопрос о причинах общей недооценки его как поэта. Выявляются субъективные метафизические воззрения, закладываемые Маковским в основу своего поэтического творчества. Анализируются различные уровни антинормализма, характерные для общего мировосприятия Маковского и отражающиеся в его поэтическом творчестве. Сделан промежуточный вывод о том, что его поэзия преследует мифотворческую цель слияния искусства с религией, а творца (поэта) с Творцом (Богом). На основе самих стихотворений раскрываются и анализируются сопутствующие поэтическому творчеству Маковского

устойчивые мистические мотивы: двойничество, непостижимость, невыразимость, умолкание, одиночество, ужас, тоска и апокалипсическое восприятие. Как средство экзистенциального преодоления воздействия этих состояний выявляются концепты веры, надежды и любви. Делается вывод о непричастности Маковского к поэтическим течениям и школам, поясняется актуальность его поэзии в настоящее время.

Ключевые слова: Серебряный век, эмиграция, символизм, поэзия, лирика, мифотворчество, метафизика, мистика, религия, религиозная культура, художественная культура.

Для цитирования: Носов Н.Н. Поэзия «нездешних истин» Сергея Маковского // Обсерватория культуры. 2024. Т. 21, № 3. С. 312–322. DOI: 10.25281/2072-3156-2024-21-3-312-322.

Сергей Константинович Маковский (1877–1962) — русский литературный и художественный критик, автор ряда искусствоведческих работ, организатор художественных выставок, журналист, издатель, редактор, мемуарист и поэт первой волны эмиграции (рис. 1). Сын Константина Егоровича Маковского (1839–1915) и племянник

Владимира Егоровича Маковского (1846–1920), знаменитых художников. В контексте русского Серебряного века С.К. Маковский наиболее известен тем, что являлся одним из основателей и первым редактором (1909–1912) знаменитого санкт-петербургского символистского журнала «Аполлон» (1909–1917). Также он выступал редактором ряда искусствоведческих периодических изданий («Старые годы», «Русская икона» и др.). С 1925 г. и до конца жизни он оставался в Париже, был редактором газеты «Возрождение» и заведовал ее литературно-художественным отделом, являлся председателем Союза поэтов и писателей, а с 1949 г. — председателем редакционной коллегии издательства «Рифма», публиковавшего сборники его стихов.

Княгиня Зинаида Алексеевна Шаховская (1906–2001) дает емкий психологический портрет С.К. Маковского: «В нем и самом было нечто аполлоническое. До старости сохранил он благородство черт и осанки, вежливость в обращении и эрудицию, выражавшуюся просто и ясно, без всякого самоупоения. Знать русскую и иностранные, современные и древние культуры казалось ему совершенно нормальным. Человек очень русский и любивший Россию, он был у себя дома и в Западной Европе» [2, с. 163]. Как многие другие эмигранты, она рассуждает о С.К. Маковском с точки зрения его связи с «Аполлоном». Как «отца “Аполлона”» выделяет его Александр Васильевич Бахрах (1902–1985) [3, с. 94–98]. Однако за всем этим в меньшей степени вспоминалось поэтическое творчество С.К. Маковского, хотя одно только количество созданных им стихотворных сборников привлекает к этой теме соответствующее внимание.

Как будет видно ниже, для специфического мироощущения Маковского чрезвычайно характерен антиномизм. Чтобы понять эту особенность, следует применить аналогичный подход при взгляде на самого Маковского: увидеть его не только как искусствоведа, но и как полноценного поэта, по крайней мере осмыслявшего себя таковым. Поэтическая ипостась С.К. Маковского никогда прежде не оценивалась как самодовлеющее явление. Она неизменно встраивалась в контекстную позицию, каждый раз рассматриваясь попутно: либо неотделимо от прочих сфер жизни и деятельности, либо в общем хоре поэтических голосов символизма. За внешней контекстностью, таким образом, утрачивался тезис «С.К. Маковский — поэт». Для реактуализации последнего необходимо, прежде всего, решить две задачи: вынести на поверхность самый предмет — поэтическое творчество Маковского; выявить первичные субъективные устремления, закладываемые в основание рассматриваемого предмета автором. Только осмыслив поэтическое творчество Маковского как самодовлеющий пред-

мет, мы получим в распоряжение материал, готовый к последующим этапам исследования, включающим привлечение контекста и выходящим за рамки настоящей работы.

МАКОВСКИЙ-ПОЭТ

Маковский — автор восьми прижизненных поэтических сборников и одного посмертного, из которых первый был издан в 1905 г. на родине, а последующие, начиная только с 1941 г., — за рубежом. В 1909 г. Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909) объяснял длительный разрыв С.К. Маковского с поэзией, во-первых, резкой непримиримостью в душе поэта внутреннего и внешнего миров, а во-вторых (иносказательно), его разочарованностью усилением политического курса России на отдаление от Европы после 1905 г. [4, с. 12–13]. Возможность для Маковского такого уровня разрыва иллюстрирует, насколько значимым являлось для него поэтическое творчество, коль скоро оно замолкало при иных условиях. Только утвердившись в Европе, Маковский смог полноценно вернуться к поэзии.

Составитель антологии русской зарубежной поэзии «На западе» Юрий Павлович Иваск (1907–1988), классифицируя включенных в сборник литераторов, относил Маковского к авторам старшего поколения, поэтически определившимся еще в России [5, с. 7]. Но в целом восприятие современниками С.К. Маковского как поэта характеризуется ослабленностью, что объяснимо значительным пространственно-временным разрывом между его поэтическим творчеством в России и за рубежом.

Эпоха, пришедшая в России на смену социализму, незначительно повлияла на осмысление поэтического наследия С.К. Маковского. Разрозненные его стихотворения представлены в крупнейших антологиях эмигрантской поэзии: «Ковчег: Поэзия первой эмиграции» [6, с. 198–213], «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990. (Первая и вторая волна)» [7, с. 113–129], «Вернуться в Россию — стихами...: 200 поэтов эмиграции» [8, с. 311–313], «Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары» [9, с. 122–125]. Из крупных переизданий стихов Маковского следует выделить поэтический раздел, включенный в собрание «Портреты современников» [10]¹, и анонимное электронное издание, воспроизводящее первую книгу стихов и стихотворения эмигрантского периода творчества Маковского из периодики и антологий рус-

¹ Первое издание: *Маковский С.К. Портреты современников*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. 415 с.

ского зарубежья [11]. Недостатком этого издания является отсутствие научно-вспомогательного аппарата и ссылок на источники. Больше внимание уделяется переизданиям мемуаристики: «Портреты современников» [12], «На Парнасе “Серебряного века”» [13; 14]², а также искусствоведческого наследия С.К. Маковского [15]³. В связи с относительно небольшим числом рассмотрений С.К. Маковского как поэта особенно значима глава «Поэзия» в книге его биографа Татьяны Васильевны Лебедевой «Сергей Маковский. Страницы жизни и творчества» [1, с. 336–376]. Однако и здесь поэзия Маковского представлена преимущественно в контексте его жизнеописания и характеристики общих сторон литературного процесса, а не как самостоятельное художественное явление, имеющее самобытный философский фундамент.

Осмысление поэтического наследия Маковского оттенялось преобладанием значимости в сознании современников и потомков его многосторонней культурологической деятельности. Своему затенению содействовала и сама поэтика Маковского, константная и цельная вне зависимости от пространственно-временных сдвигов общих культурных и частных литературных процессов. Но будучи при этом объективно талантливой, его поэзия не могла быть и всецело отброшена как анахронизм. Ю.П. Иваск улавливал в ней «архаичное» тютчевское начало [16, с. 92]. Юрий Константинович Терапиано (1892–1980) усматривал в статичной с общей точки зрения поэзии Маковского определенные черты развития: «Бывают поэты, дающие свое самое главное в молодости, а потом только повторяющие себя, другие поэты развиваются медленно и находят полное выражение своей темы уже в зрелые годы. С. Маковский, мне кажется, принадлежит к последнему типу» [17, с. 194].

Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) относил Маковского к эстетам [18, с. 476], Ю.К. Терапиано провозглашал его «формалистом»: «Сергей Маковский был очень чуток к логической и языковой стороне поэзии, но не улавливал нюансов, перенесения смысла, сложных образов, переходящих из одного плана в другой» [19, с. 185]. Кирилл Дмитриевич Померанцев (1906–1991) считал, что «поэт он был средний, хотя и упорный (восемь сборников!). Думаю, что поэтом он считал себя настоящим, но чувствовал, что другие... таковым его не почитали» [20, с. 77]. А.В. Бахрах отмечал, что при всей одаренности и утонченности Маковскому-поэту не доставало необходимой легкости [3, с. 96].

² Первое издание: *Маковский С.К. На Парнасе “Серебряного века”*. Мюнхен: Издательство Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1962. 367 с.

³ Первое издание: *Маковский С.К. Силуэты русских художников*. Прага: Наша речь, 1922. 160 с.

Леонид Евгеньевич Галич (1878–1953) находил поэзию С.К. Маковского формально и эстетически безупречной, но беззвучной [21, с. 61]. В этом ему вторил Владимир Ананьевич Злобин (1894–1967), отдавая предпочтение пейзажной лирике Маковского [21, с. 70], хотя объективно она теряется на фоне его экзистенциальных произведений. Последние же В.А. Злобин находил лишь индивидуальным средством борьбы поэта с собственным неверием [21, с. 65]. В то же время он парадоксальным образом полагал, что обособленное положение Маковского среди поэтов его времени обусловлено не тем, что несовременен он, а тем, что «несовременны» именно они, не умея поэтически ответить на актуальные запросы, тогда как поэзия Маковского применяет ко всему мерило вневременности [21, с. 73].

Предположительно, недооценку поэтической ипостаси Маковского заложил еще Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) в своем отзыве на первую книгу его стихов. Критик, справедливо провозглашая автора эстетом и традиционалистом в подходе к стихосложению, утверждал, что поэзия его «холодна и бесстрастна, и души поэта в ней почти не чувствуется» [22]. Отказывая поэзии С.К. Маковского в мистическом начале и разделяя современных поэтов на «мистиков» и «кларистов» (от нем. klar — «ясный»), В.Я. Брюсов причислял Маковского к последним [18, с. 52].

В настоящее время С.К. Маковского склонны относить к поэтам, близким к акмеизму, но не к акмеистам напрямую [9, с. 363], что верно, так как тяготеющий к акмеистическому выражению Маковский содержательно остается, как будет видно далее, все-таки мистиком. Его также рассматривают в контексте круга поэтов «парижской ноты», но не относя всецело к ней [6, с. 13]. Таким образом, С.К. Маковский остается самодовлеющим поэтическим явлением под общей эгидой символизма, но вне определенных течений и школ.

Парадоксально, что поэтическую ипостась С.К. Маковского наиболее явственно ощутил не поэт, а живописец — автор обложки первого сборника его стихов Юрий Павлович Анненков (1889–1974), заключивший, что, невзирая на разностороннюю деятельность, первостепенной для Маковского оставалась собственная поэзия, «чрезвычайно высокого качества» [23, с. 233].

МАКОВСКИЙ-МИСТИК

В своей рецензии В.Я. Брюсов проглядел глубинный смысл фразы С.К. Маковского, которой сопровождает свои же выводы: «Мой Бог во мне. Далеко, там... / Никто его не знает» [22]. В этом диапазоне — внутри самого себя, но

при этом отдаленно — и действует душа поэта в ее устремленности к «неведомому Богу». Пребывание в координатах данной антиномии для С.К. Маковского оказывается единственной возможностью причастности к поэзии.

Еще на заре своего творчества, размышляя о божественном Аполлоне на страницах дебютного номера журнала, носящего имя этого античного покровителя искусств, С.К. Маковский утверждал: «Лик грядущего Аполлона нельзя увидеть. Мы знаем только, что это лик — не греческий, с чертами, застывшими в божественном иератизме, и не лик Возрождения, а современный, — всеми предчувствиями новой культуры, нового человека овеванный лик. Потому и невидимый нам. Потому и желанный» [24].

Такое предощущение диктует и константность требований, выдвигаемых С.К. Маковским к культуре и искусству. В послесловии к последней своей работе «На Парнасе “Серебряного века”» С.К. Маковский, одним из первых утвердивший данное определение соответствующей культурной эпохи России, остается верен себе раннему, полагая, что культурное формирование в очередной раз только лишь предстоит: «Грядущее от нас скрыто, но исходя из всего исторического прошлого, мы вправе думать, что новая культура России будет строиться на основе *нездешних истин* (курсив наш. — Н. Н.). Иначе, отвергшись от Божества, от порыва к трансцендентной сущности бытия, всякое культурное развитие может только повернуть человека к животному...» [25, с. 364].

Таким образом, культурная организация в целом и в частности личный поэтический вклад в нее, с точки зрения С.К. Маковского, непременно соплагается с духовным постижением. Задействуются одновременно и «бог во мне» — Аполлон, олицетворяющий ясное, дневное начало, и бог «далеко, там» — ощущаемый через потребность «в новом принятии тайны жизни и тайны смерти» [25, с. 363]. Словно провидя обе крайности, совпадающие лишь в субъективном ощущении поэта, Тамара Антонова Величковская (1908–1990) рисует в своем стихотворном посвящении С.К. Маковскому образ двух деревьев, растущих рядом, но не способных дотянуться друг до друга. «Но там, в подземной глубине, / Где не тревожат дровосеки, — / В глубокой тайне, в тишине, / Их корни сплетены навеки» [8, с. 125]. На «слитную раздвоенность», пролегающую в основании искусства, указывал и сам Маковский, понимая последнее как «магическое зеркало, отражающее эту статику бытия, эту самоцельность образов и форм» [26, с. 24].

Отрицая в искусстве прежний мертвящий реализм, Маковский усматривал живое искусство также через двойственность — через сочетание символистских и народных черт, где народное искусство со своей стороны приближается к религиозному ис-

Рис. 1. С.К. Маковский. Фотопортрет. Автор неизвестен [30, с. 6]

поведанию: «Красота деревни питается от соборного духа народного, от темных его корней, всеми почвенными соками, трудами бесчисленных художников и художниц, связанных между собою традицией, из поколения в поколение, с незапамятных времен» [27, с. 6].

«Реакционность» Маковского в области искусства также характеризуется диалектической двойственностью: борьба объявляется, с одной стороны, мертвым традициям, с другой — вне традиционному авангардизму: «В рождении нового — вырождение. Скачок в будущее, похожий на стремительный упадок» [28, с. 6].

А.В. Бахрах отмечал, что культурологически С.К. Маковский до эмиграции условно являлся западником, а на чужбине сделался славянофилом [3, с. 94], таким образом, в очередной раз объединив в себе как в центре разноустремленные направления.

Наконец, антиномией выступает то, что Маковский, живо допуская набор всех присущих своему мировосприятию двойственностей, в то же время подвергает эту свою субъективную особенность жесткой критике в стихотворении «Горяч иль холоден — не тепел...», вскрывающем «всю сущность мировоззрения поэта, всю его трагедию» [1, с. 280] в контексте общей русской судьбы XX века.

Т.В. Лебедева подкрепляет цитацией этих стихов наблюдение, что с возрастом С.К. Маковского все чаще стали посещать мысли о Боге: «Я не умел в тебя поверить, / но не поверить не могу» [1, с. 280]. Подобно Ю.К. Терапиано, также отмечавшему, что Маковский «начал прозревать даже некую форму инобытия» [19, с. 183] незадолго до смерти, она ошибается только в том, что это произошло лишь на закате жизни поэта: уже в ранних стихах Маковский писал: «Бытьё вневременно. У жизни нет истока. / Бесследное для нас живет всегда, всегда» [29, с. 46]. С возрастом Маковского начали посещать не мысли о Боге, а предчувствие смерти, что нашло выражение в подобных автоэпитафиям стихотворениях, созданных поэтом за несколько месяцев до кончины [30, с. 19–21].

При рассмотрении других поэтов С.К. Маковский проявлял интерес к мистическим сторонам их творчества. Рассуждая о Вячеславе Ивановиче Иванове (1866–1949), он находил важным рассматривать не «Иванова-мыслителя, эллиниста и литературоведа», а «Иванова-мистика, искушенного в тайном знании» [18, с. 115]. В поэзии Василия Алексеевича Комаровского (1881–1914) Маковский выделял следующие религиозно-мистические начала: «Это и теодицея, и личное признание страдающего автора, и прославление заката, уподобляемого “огненно-седому” пиру, над городом старинным (иносказательно — над Римом, Византией), и эзотерический пантеизм, мистерия брака Неба и Земли, древней “Матери”, уводящей Человека, ничтожества, вмещающего в себе вселенную — в смерть... и трепет перед тайной мира в творческом взлете» [31, с. 282]. Открывая читателям поэта Михаила Адольфовича Форштетера (1894–1959), С.А. Маковский замечал, что «уравнение гражданских прав и обязанностей казалось ему ересью, выросшей из выродившегося, обезбоженного христианства, христианства одной морали, без мистики и метафизического идеала» [32, с. XIV]. Даже близким себе «прекрасно-ясным» акмеистам Маковский не отказывал в наличии мистического чутья, «если разуместь под этим понятием не церковный конформизм, а то, что тогда любили называть “богоискательством”» [31, с. 276].

Собственные религиозно-мистические устремления С.К. Маковский обнажал не только путем утверждения, но и посредством критики. Он писал о том, что, вычеркивая из искусства компонент эстетики, Лев Николаевич Толстой (1828–1910) обобществляет искусство, ошибаясь в том, что понимание последнего зрителем все равно остается субъективным, а потому никакой иррациональности искусство избежать не способно. Называя Евангелие вдохновенным псалмом Тайне, Маковский объединяет воедино поэзию и религию вопреки толстовскому пониманию религии как соединения разума и морали, но не таинства и веры: «Евангелие

для него не чудо мистического откровения, а очевидность морального знания, решенная теорема житейской мудрости» [33, с. 214–215]. Из замечаний о том, что и в религии, и в искусстве Л.Н. Толстому противны антиномии, иррациональность, творческие прозрения духа и символизм, можно заключить о близости этих явлений самому Маковскому. Значимость христианства он усматривает в его сверхразумности, потусторонности и склонности давать не ответы, а надежды на истинное прозрение в пакибытии [33, с. 215]. Онтологически противоположные эстетика и евангельское смирение «примиримы в вере и примирены в чудесах искусства... и если искусство... не для “всех”, то потому, что искусство всегда всеми разное воспринималось. Не в этом ли таинственное свойство души человеческой: быть разной?» [33, с. 217]. Культура поэта, с точки зрения Маковского, состоит в многообразии сочетаний в его творчестве различных внешних влияний, центрируемых авторской личностью: культурно богатый поэт наделен несколькими душами, соединяемыми вдохновением [31, с. 277].

Рассуждая об искусстве живописи, С.К. Маковский постулировал ее задачу как мифотворчество, необходимое для уловления художником начал духовного характера [34, с. 201]. Имея в виду общее тяготение Серебряного века к синтезу искусств, понимание Маковским задач живописи правомерно экстраполировать и на сферу поэзии. Таким образом, поэзия, отвечающая требованиям символизма и традиционности, элитарности и народности, утверждения и отрицания, является мифотворчеством, где творимый миф — устремление творца (поэта) к единению с Творцом (Богом). Мифотворчество в данном случае предполагает не столько порывающий с прошлым путь в идеальное грядущее, сколько встречу в грядущем с идеальным прошлым — золотым веком, в котором искусство и религия пребывают в исконном синкретизме: «Искусство и религия были когда-то одним целым — и в древнейшем язычестве, и в христианском Средневековье, и позже, когда ожили художественные идеалы языческих культур» [25, с. 33]. Возврат к слиянию искусства с религией — такова мистическая цель поэтического мифотворчества С.К. Маковского, сопоставимая с богоискательским характером художественного символизма.

МИСТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ С.К. МАКОВСКОГО

Природа мифотворчества, в характере которой всегда являть процесс, а не результат (ибо результатом бы стал идеал), и перманентно пребывать в состоянии становления, неизбежно формирует в творческой душе соответству-

ющий набор чувств, проявляющийся в создаваемых этой душой творениях. В случае Маковского осмысление глубоко личных переживаний проистекает в религиозном ключе [6, с. 13], обретая своеобразный характер мистического восприятия. Для традиции русской поэзии Маковский выводит формулу «преображающего реализма» [31, с. 274], что означает реализм не столько как литературный метод, сколько как религиозное исповедание, при котором вера неизбежно выступает в понятии верующего высшей реальностью и она же предполагает преобразование его души. Уникальным свойством русской творческой души Маковский мыслил очередную двойственность: слияние славянского и античного культурных элементов [31, с. 282].

Образом *двойничества* открывается и череда религиозно-мистических мотивов в поэзии С.К. Маковского: слияние земного и неземного [35, с. 22], соединение противоположных явлений в их отражении [35, с. 23], сестринское слияние яви и тайны [36, с. 13], раздвоенное состояние души [37, с. 57], чреватое полужизнью, призрачностью, дымчатостью, затуманенностью визуального восприятия, провидческой слепотой [38, с. 14]. Размытость восприятия, присущая лирическому герою-созерцателю, характеризуется пограничностью — полубредом [38, с. 22], полудремотой [36, с. 18], сомнением в реальности зримого [39, с. 32], ощущением зыбкого двоемрия [39, с. 34], уловимого одновременно «...в этом сне без сна, в печали беспредметной, / в этом бытии небытия» [40, с. 19]. Под воздействием такого искаженного восприятия внешних явлений наблюдатель начинает раскалываться внутри самого себя, становясь собственным двойником [40, с. 26, 30].

Редукция самоидентификации ведет к ослаблению возможности ясного познания, вводя в канву лирики С.К. Маковского мотив *непостижимости* предметов и явлений. Лирический герой, будучи не в силах охватить взаимоисключаемость собственных видений, их калейдоскопическую сменяемость, предощущает скрывающийся за ними загробный лик непостижимого [29, с. 24], Сфинкса [29, с. 45], единственными разгадками загадки которого выступают красота [29, с. 25] и любовь [29, с. 52], исключая в качестве иных ключей и время, и разум [29, с. 46]. Созерцание перерастает в порыв искания красоты и любви, но они остаются выше разума [29, с. 71], как и координаты поиска, которыми выступает «...пустая вечность, / непостижимый путь земной» [35, с. 14], обращающий героя из внешней вселенной во вселенную собственного сердца, где «...нет действительности, нет / ни плоти немощной, ни тленья, / ни звездных далей, ни движенья. / Все — морок, сон, воображенье, / есть только запредельный свет...» [38, с. 25]. Сердце опускается в глубину, «немыслимое прозревая» [36, с. 5], и компасом на этом пути слу-

жит чудо, неверие в которое выступает искушением. И даже сбиваясь с этого пути в «слепых безднах бытия» [38, с. 27], лирический герой, преисполненный веры, обращается за укреплением к классическим ценностям Христа и Рима [41, с. 87], но его воззвания разбиваются о невыразимость.

Ю.П. Анненков, приводя как одни из ключевых для поэтического мироощущения С.К. Маковского строки его стихотворения *Ars poetica* «...словами вызывая звуки, / Невоплотимые в слова» [35, с. 7], делает акцент на слове «невоплотимые» [23, с. 233]. Словесная *невыразимость* — следующий зримый мотив в лирике С.К. Маковского, выражающийся в невозможности сердца отвечать на невнятное, но зазывное пение призрачных голосов [29, с. 10], а также в ощущении того, что при ясном свете угасла бы способность веровать и молиться [29, с. 15]. Молитва же предстает «из глубины неведомым глаголом» [29, с. 17], испрашивающим не простое счастье, а то, чему не существует названия [29, с. 37] — наслаждение неизъяснимой грустью [29, с. 67], в которой ночь стонет о счастье иного рода, «что на языке понятном / не расскажешь все равно» [35, с. 19]. И тогда самая эта мольба, обреченная раз за разом умирать в довременной тиши и возрождаться из вековечности небытия, начинает представляться лирическому герою ненужной перед лицом преисполняющей дух первоначальной тишины [37, с. 17], немолчного молчания вечности [37, с. 61]. Искомым становится единственное заветное слово [38, с. 23], которое необходимо «вырастить» из намека, образа, ожидания [38, с. 8], но даже это едва осуществимо, и слово воплощается фальшиво [38, с. 9]. Истинным искусством становится усердие выговорить нужное слово [37, с. 79], единственно «ответственное для себя» [35, с. 59]. Только такое заповедное слово, избранное из всего проговоренного в усилии доподлинно нечто выразить, способно преобразиться своей наивысшей формой — стихом [37, с. 16], музыкой или пламенем духа [39, с. 5].

Зачастую средством выговорить заветное слово в поэтической системе С.К. Маковского, сообразно логике антиномизма, предстает полное *умолкание*: все звуки сливаются в единое молчание любви [29, с. 58], для которой слово становится излишним [29, с. 68], фальшивым [36, с. 17], а тишина — возлюбленной [35, с. 5], чарующей феей [35, с. 44]. Вдохновение добывается в безмолвии [35, с. 58], в немом дне колодца отражаются неугасимые звезды [39, с. 33]. В этом обретенном спокойствии лирический герой ощущает собственное несовершенное слово диссонансом вышнему «глаголу безмолвья» [10, с. 55], пророческому оттого, что Господу неужгодно всеведение человеческой души [30, с. 56].

Давая краткое отдохновение, бессловесность тем быстрее вводит лирического героя в состояние новой муки — в царствие *одиночества*, отго-

роженности от мира стеной безмолвия. Он ощущает себя только тенью неведомых ему теней [29, с. 41]. Его внутренние рай и Бог не ведомы никому, кроме него одного [29, с. 50]. Мысля уединение неизбежностью для внутреннего роста, герой вместе с тем испытывает перед ним страх. Пугающее одиночество в поэтике Маковского наделяется усложненной структурой: все одиночество земное провозглашается ничем перед одиночеством потусторонним [39, с. 28], где «тьма первозданная, и ты — над тьмой» [39, с. 29], и в этой глубине обрушивается ужас, сопряженный с необходимой для воскресения смертью [39, с. 30].

Этот экзистенциальный страх, как еще один из заметных мотивов лирики Маковского, обусловлен предгибельным чувством погрузившегося в темноту сердца [29, с. 96], ощущением личной греховности, ниспровергающей Божие творение [37, с. 105], бессмысленности течения бытия, прерываемой не менее бессмысленной смертью [38, с. 17]. Констатация заката существования [40, с. 28], тотальной конечности бытия [36, с. 16] и самоосуждение порождают ощущение смертного приговора, усугубляемое неведением о сроках его исполнения [38, с. 18], предчувствием загробного холода [38, с. 19] и непостижимостью посмертного состояния, заставляющей сомневаться и в истинности бытия земного [30, с. 19].

Уничтожающее заключение «был человек — и ничего!» [30, с. 51] подвергает лирического героя в состояние неизбывной *тоски*, затмевающей даже предсмертный ужас [29, с. 18]. В состоянии такого уныния безответными кажутся не только близкие люди, но даже Бог [29, с. 38], умирающий и иллюзорный [35, с. 27]. В образе нищей певички, чье пение чудится страшнее греха, который невозможно простить [35, с. 37], является герою-поэту собственная совесть, порождающая трепет не перед духами преисподней, а перед призраками светлых дней собственной жизни [35, с. 47]. Звучавшая на протяжении жизни песня совести преобразуется в колыбельную смерти [37, с. 96], за покровом которой единственной возлюбленной для героя остается печаль [38, с. 24], а вереницы прожитых лет сменяются чередами ожидающих по ту сторону теней [40, с. 18].

«Неба зияние черного. / Слезы бормочущих вод» [39, с. 25] в ответ на глубинный призыв сердца, порождая в герое ощущение полной богооставленности и сопрягаясь с чувством глухой непоправимости («Стерто, изглодано дочиста — / все... и нельзя зачеркнуть» [39, с. 25]), раскрывают в душе предельные апокалипсические видения как внутреннего, так и внешнего порядка, перемежающиеся с утверждением небытия. После тревожного затишья [36, с. 23] они нагнетаются через образы вечернего угасания [35, с. 15], заката [37, с. 9], неизбежности

и предрешенности [35, с. 32], отмены даже посмертного бытия [35, с. 54]. Привычную повседневность лирический герой ощущает столь эфемерной, что ему становится «ненужно все, что создано не вечным» [38, с. 15]. Оставляя открытым вопрос, откуда именно созерцает — из жизни или из смерти, поэт на погосте, где «не покой могильный, не молчанье, / а дыхание небытия» [38, с. 20], замечает на старинной надгробной плите собственное полустершееся имя [37, с. 76]. Отбрасывая тщетные попытки заглянуть в вечность, он оставляет возможность вечности вглядываться в него [38, с. 21]. Встреча лицом к лицу с вечностью окончательно упраздняет внутренний мир героя со всеми его экзистенциальными переживаниями, порождая на смену несущегося во тьму слепого времени грандиозные внешние видения. Опадающая в провал ночь знаменует исполнение мировых сроков и наступление Страшного суда [37, с. 108] над землей, покинутой всеми богами [40, с. 17] и обратившейся в «развеществленный прах» [40, с. 33]. Стираются границы между жизнью и смертью, прошлым, настоящим и будущим, всеми явлениями и предметами, стремительно низвергающимися в общую для всего могилу [40, с. 29]. И когда исполняется мера бездушия и всем овладевает зломудрие, вышний свет затмевают «смерчи гибельные Люцифера» [30, с. 23].

Словно не довольствуясь всем этим, поэт перекладывает библейскую Книгу Откровения в поэму «Из Апокалипсиса» [37, с. 109–121], где из глубины глубин находит в себе силы наконец выкрикнуть: «Верю!», и с этими словами светопредставление обращается новым рассветом, и на помощь вере являются надежда и любовь, воздвигающие «алтарь неведомому Богу» [35, с. 21], по промыслу которого невозможно, чтобы все живое творение в своем неисчерпаемом многообразии являлось бессмысленным и ничем не одухотворенным [38, с. 26]. Ответ на свои бесчисленные экзистенциальные вопросы, сомнения и страхи лирический герой обретает в *любви*: «Пусть этот мир вокруг тебя, / пожалуй, и не существует... / Но вечность выстрадай любя — / Одна любовь ее дарует» [38, с. 41]; «Любовь, к себе годами строже, / Ты целью вышней назовешь» [30, с. 54].

САМОЦЕННОСТЬ ПОЭЗИИ С.К. МАКОВСКОГО

Новизна настоящей работы состоит в актуализации поэтической ипостаси многогранного деятеля отечественного символизма и первой волны русской эмиграции С.К. Маковского. Его поэтическое творчество никогда не рассматривалось как отдельное явление, при любой попытке соскальзывая в контекст и теряясь из виду как таковое. С одной стороны, поэ-

тическую ипостась Маковского затеняли прочие, более известные виды его деятельности, с другой — его голостонув в общем символистском хоре. Притом исследователи готовы признавать, что «посвятив всю свою жизнь литературно-художественной деятельности, Сергей Константинович оставался настоящим поэтом, отдавая своему любимому искусству — поэзии лучшее своего творчества и своего вдохновения» [30, с. 12]. Т.В. Лебедева, рассматривая поэзию Маковского в контексте его биографии, принимается анализировать ее, несколько опережая, с характеристики применяемых в ней приемов пейзажа и звукописи [1, с. 352–357], т. е. с формальной стороны, менее уделяя внимание смысловой основе этой поэзии. Но после того как самый предмет — поэтическое творчество С.К. Маковского — только что был обозначен, первым шагом представляется анализ не формы (всегда подчеркнуто консервативной у Маковского), а идеи его поэзии.

«Душой» поэзии Маковского выступает метафизика, которую сам поэт считал отличительной чертой русского символизма, усматривая в ней доподлинную его русскость [25, с. 18]. Именно русские, с его точки зрения, внесли в символизм мистику [2, с. 163]. В качестве основного свойства мироощущения Маковского и поэзии как творческого его отображения выявляется антиномизм, каковой Георгий Андреевич Мейер (1894–1966) усматривает как общее свойство Серебряного века, налагавшее свой отпечаток на всех его представителей: «Серебряный век был и остался двуликим. Он благодатно возродил погнутые у нас в нигилистические шестидесятые годы прошлого столетия искусство и художественную литературу и, хоть и косвенно, приобщил к религии русских образованных людей... Но русских неосмысленно мятежных порывов Серебряный век укротить оказался не в силах. Было в нем самом что-то крайне тревожное, неустойчивое, болезненное» [42, с. 209].

В творчестве Маковского антиномизм проявляется особенно отчетливо, в него укладываются и религиозно-мистические взгляды автора, находившие воплощение не только в стихотворчестве, но и в ряде искусствоведческих размышлений. Метафизический антиномизм Маковского носит многоуровневый характер. Боговосприятие проистекает в диапазоне от интимного чувства Бога внутри себя до ощущения «неведомого Бога» вовне. Иногда они меняются местами так, что непостижимым представляется и «внутренний Бог». Искусство является Маковскому антиномией, в плане выражения обладающей свойством зеркала, одновременно вбирающего и отдающего, а в плане содержания соединяющей индивидуалистический символизм с соборными народными чертами. От имени искус-

ства Маковский провозглашает борьбу как против отмерших традиций, так и против авангардизма. Он западник в своем славянофильстве и славянофил в своем западничестве. А предельной антиномией в его мировосприятии выступает критическое отношение к собственному антиномизму, сущностью которого, таким образом, предстает в конечном итоге стремление к идеалу единства: «Закон мироздания — Число; / Бесчисленны формы и звенья: / Едина стихия творенья, / Единство — закон Божества» [29, с. 119]. Единение творца (поэта) с Творцом (Богом), а искусства (творчества) с религией — основной посыл мифотворчества Маковского в рамках Серебряного века, которому поэт оставался верен, раз и навсегда избрав своим художественным методом символизм.

Ю.П. Анненков подчеркивал чуждость миропонимания С.К. Маковского материализму и отмечал его внимание к исключительно духовным проблемам [23, с. 236]. Склонность метафизически осмыслять антиномии порождает в поэзии Маковского устойчивые мотивы двойничества, непостижимости, невыразимости, умолкания, одиночества, экзистенциального ужаса, тоски и апокалипсического восприятия. Причудливый калейдоскоп иррационально сменяющихся и смешивающихся состояний преодолевается верой, надеждой и любовью, однако этими заповедными понятиями поэт не разбрасывается всуе.

Отделив поэзию Маковского от сопутствовавших прежним попыткам ее осмыслений контекстов и выявив заложенное в нее автором содержимое, мы получили в распоряжение предмет, готовый к последующему литературоведческому осмыслению как в контексте прочих видов деятельности С.К. Маковского, так и в контексте общих тенденций русского символизма.

Список источников

1. Лебедева Т.В. Сергей Маковский. Страницы жизни и творчества. Воронеж : Воронежский университет, 2004. 484 с.
2. Шаховская З.А. Рассказы. Статьи. Стихи. Paris : Les éditeurs réunis, 1978. 227 с.
3. Бахрах А.В. По памяти, по записям. Литературные портреты. Париж : La presse libre, 1980. 206 с.
4. Анненский И.Ф. О современном лиризме // Аполлон. 1909. № 2. С. 3–29.
5. На западе : Антология русской зарубежной поэзии / сост. Ю.П. Иваск. Нью-Йорк : Издательство им. Чехова, 1953. 398 с.
6. Ковчег : Поэзия первой эмиграции / сост. В. Крейд. Москва : Политиздат, 1991. 511 с.
7. «Мы жили тогда на планете другой...» : Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990. (Первая и вторая волна) : в 4 кн. / сост. Е.В. Витковский. Москва : Московский рабочий, 1994. Кн. 1. 495 с.

8. Вернуться в Россию — стихами... : 200 поэтов эмиграции : антология / сост. В. Крейд. Москва : Республика, 1995. 688 с.
9. Антология акмеизма : Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары / вступ. ст., сост. и примеч. Т.А. Бек. Москва : Московский рабочий, 1997. 366 с.
10. Маковский С.К. Портреты современников : На Парнасе «Серебряного века». Художественная критика. Стихи / сост., подгот. текста, коммент. Ю.Н. Симоненко ; послесл. Е.Г. Домогацкой. Москва : Аграф, 2000. 768 с.
11. Маковский С.К. Собрание стихотворений // ЛибФокс : [электронная библиотека]. URL: <https://www.libfox.ru/565703-sergey-makovskiy-sobranie-stihotvoreniy.html> (дата обращения: 24.05.2024).
12. Маковский С.К. Портреты современников. Москва : XXI в. — Согласие, 2000. 445 с.
13. Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. Москва : XXI в. — Согласие, 2000. 558 с.
14. Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. Москва : Наш дом — L'Age d'Homme ; Екатеринбург : У-Фактория, 2000. 394 с.
15. Маковский С.К. Силуэты русских художников. Москва : Республика, 1999. 382 с.
16. Опыты : литературный журнал / под ред. Ю.П. Иваска. Нью-Йорк, 1958. Кн. 9. 134 с.
17. Опыты : литературный журнал / под ред. Р.Н. Гринберга, В.Л. Пастухова. Нью-Йорк, 1953. Кн. 2. 208 с.
18. Воспоминания о Серебряном веке / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. Москва : Республика, 1993. 559 с.
19. Терапиано Ю.К. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974) : эссе, воспоминания, статьи / сост. Р. Герра, А. Глезер ; послесл. Р. Герра. Париж : Альбатрос ; Нью-Йорк : Третья волна, 1987. 352 с.
20. Померанцев К.Д. Сквозь смерть : Воспоминания / вступ. ст. Б. Филиппова. London : Overseas Publications Interchange, 1986. 193 с. (Вчера. Сегодня. Завтра. № 5).
21. Злобин В.А. Тяжелая душа : литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. Москва : Интелвак, 2004. 623 с.
22. Брюсов В.Я. Сергей Маковский : Собрание стихов. Книга первая : [Рецензия] // Весы : ежемесячник искусств и литературы. Москва : Скорпион, 1905. № 4. С. 65.
23. Анненков Ю.П. Дневник моих встреч : цикл трагедий. Нью-Йорк : Международное литературное содружество, 1966. Т. 2. 350 с.
24. Маковский С.К. Вступление // Аполлон. 1909. № 1. С. 3—4.
25. Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен : Издательство Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1962. 370 с.
26. Маковский С.К. Страницы художественной критики. Книга первая : Мысли и впечатления о художественном творчестве современного Запада... Санкт-Петербург : Издание Содружества; Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1906. 183 с.
27. Народное искусство Подкарпатской Руси / поясн. текст С.К. Маковского. Прага : Пламя, 1925. 157 с.
28. Маковский С.К. Последние итоги живописи. Берлин : Русское универсальное издательство, 1922. 167 с.
29. Маковский С.К. Собрание стихов : Книга первая. Санкт-Петербург : Издание Содружества; Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1905. 128 с.
30. Маковский С.К. Requiem : Девятая книга стихов. Париж : Рифма, 1963. 75 с.
31. Мосты : литературно-художественный и общественно-политический альманах. Мюнхен : Издательство Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1960. Кн. 4. 330 с.
32. Форштетер М.А. Избранные стихотворения (1916—1958) / с предисл. Сергея Маковского. Париж : Тип. Березняка, 1960. XXI, 69 с.
33. Мосты : литературно-художественный и общественно-политический альманах. Мюнхен : Издательство Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1961. Кн. 6. 382 с.
34. Лобанов В.М. Кануны : из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. Москва : Советский художник, 1968. 296 с.
35. Маковский С.К. Вечер : Вторая книга стихов (1918—1940). Париж, 1941. 125 с.
36. Маковский С.К. На пути земном : Шестая книга стихов. Париж : Рифма, 1953. 46 с.
37. Маковский С.К. Somnium Breve : стихи : [Третья книга стихов]. Париж : La Presse Française et Etrangère, 1948. 126 с.
38. Маковский С.К. Круг и тень : Пятая книга стихов. Париж : Рифма, 1951. 46 с.
39. Маковский С.К. В лесу : Седьмая книга стихов. Мюнхен, 1956. 46 с.
40. Маковский С.К. Еще страница : Восьмая книга стихов. Париж, 1957. 46 с.
41. Маковский С.К. Год в усадьбе : стихи : [Четвертая книга стихов]. Париж, 1949. 109 с.
42. Мейер Г.А. Сергей Маковский и Серебряный век : (К годовщине со дня смерти С.К. Маковского) // Грани : журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. 1963. № 54. С. 209—217.

The Poetry of “Heavenly Truths” by Sergei Makovsky

Nikolay N. Nosov

Russian State Library, 3/5 Vozdvizhenka Str.,
Moscow, 119019, Russia
ORCID 0000-0001-6079-2677; SPIN 7786-8622;
Nossov1984@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the poetry of art historian Sergei Konstantinovich Makovsky (1877–1962), first considered as a self-contained phenomenon. The perception of Makovsky as a poet by contemporaries and descendants is characterized. An attempt is made to answer the question about the reasons for the general underestimation of him as a poet. Subjective metaphysical views, laid by Makovsky in the basis of his poetic creativity, are revealed. Different levels of antinomianism, characteristic of Makovsky's general worldview and reflected in his poetic work, are analyzed. An intermediate conclusion is made that his poetry pursues the myth-making goal of merging art with religion, and the creator (poet) with the Creator (God). On the basis of the poems themselves, the persistent mystical motifs accompanying Makovsky's poetic work are revealed and analyzed: duality, incomprehensibility, inexpressibility, silence, loneliness, horror, longing and apocalyptic perception. As a means of existentially overcoming the impact of these states, the concepts of faith, hope and love are identified. The conclusion is made about Makovsky's non-participation in poetic movements and schools, and the relevance of his poetry at the present time is explained.*

Key words: Silver Age, emigration, symbolism, poetry, lyricism, myth-making, metaphysics, mysticism, religion, religious culture, artistic culture.

Citation: Nosov N.N. The Poetry of “Heavenly Truths” by Sergei Makovsky, *Observatory of Culture*, 2024, vol. 21, no. 3, pp. 312–322. DOI: 10.25281/2072-3156-2024-21-3-312-322.

References

- Lebedeva T.V. *Sergei Makovskii. Stranitsy zhizni i tvorchestva* [Sergei Makovsky. Pages of Life and Creativity]. Voronezh, Voronezhskii Universitet Publ., 2004, 484 p.
- Shakhovskaya Z.A. *Rasskazy. Stat'i. Stikhi* [Stories. Articles. Poems]. Paris, Les Editeurs Reunis, 1978, 227 p.
- Bakhrakh A.V. *Po pamyati, po zapisyam. Literaturnye portrety* [By Memory, by Notes. Literary Portraits]. Paris, La Presse Libre Publ., 1980, 206 p.
- Annensky I.F. On Modern Lyricism, *Apollon* [Appolo], 1909, no. 2, pp. 3–29 (in Russ.).
- Ivask Yu.P. (ed.) *Na zapade: Antologiya russkoi zarubezhnoi poezii* [In the West: Anthology of Poetry of the Russian Abroad]. New York, Izdatel'stvo im. Chekhova, 1953, 398 p.
- Kreid V. (ed.) *Kovcheg: Poehziya pervoi eh migratsii* [The Ark: Poetry of the First Emigration]. Moscow, Politizdat, 1991, 511 p.
- Vitkovsky E.V. (ed.) *“My zhili togda na planete drugoi...”: Antologiya poezii russkogo zarubezh'ya. 1920–1990. (Pervaya i vtoraya volna): V 4 kn.* [“We Were Living Then on a Different Planet...”: Anthology of Poetry of the Russian Abroad. 1920–1990. (First and Second Wave): In 4 Books]. Moscow, Moskovskii Rabochii Publ., 1994, Book 1, 495 p.
- Kreid V. (ed.) *Vernut'sya v Rossiya — stikhami...: 200 poetov eh migratsii: antologiya* [Back to Russia in Poetry...: 200 Poets of Emigration: anthology]. Moscow, Respublika Publ., 1995, 688 p.
- Bek T.A. (ed.) *Antologiya akmeizma: Stikhi. Manifesty. Stat'i. Zametki. Memuary* [Anthology of Acmeism: Poets. Manifestos. Articles. Notes. Memoirs]. Moscow, Moskovskii Rabochii Publ., 1997, 366 p.
- Makovsky S.K. *Portrety sovremennikov: Na Parnase “Serebryanogo veka”*. *Khudozhestvennaya kritika. Stikhi* [Portraits of Contemporaries: On Parnassus of the “Silver Age”. Art Criticism. Poems]. Moscow, Agraf Publ., 2000, 768 p.
- Makovsky S.K. Collected Poems, *LibFox: electronic library*. Available at: <https://www.libfox.ru/565703-sergey-makovskiy-sobranie-stihotvoreniy.html> (accessed 24.05.2024) (in Russ.).
- Makovsky S.K. *Portrety sovremennikov* [Portraits of Contemporaries]. Moscow, XXI v. — Soglasie Publ., 2000, 445 p.
- Makovsky S.K. *Na Parnase Serebryanogo veka* [On the Parnassus of the Silver Age]. Moscow, XXI v. — Soglasie Publ., 2000, 558 p.
- Makovsky S.K. *Na Parnase Serebryanogo veka* [On Parnassus of the Silver Age]. Moscow, Nash Dom — L'Aged'Homme Publ., Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2000, 394 p.
- Makovsky S.K. *Siluetty russkikh khudozhnikov* [Silhouettes of the Russian Artists]. Moscow, Respublika Publ., 1999, 382 p.
- Ivask Yu.P. (ed.) *Opyty: literaturnyi zhurnal* [Experiments: a literary journal]. New York, 1958, Book 9, 134 p.
- Grinberg R.N., Pastukhov V.L. (eds.) *Opyty: literaturnyi zhurnal* [Experiments: a literary journal]. New York, 1953, Book 2, 208 p.
- Kreid V. (ed.) *Vospominaniya o Serebryanom veke* [Memories of the Silver Age]. Moscow, Respublika Publ., 1993, 559 p.
- Terapiano Yu.K. *Literaturnaya zhizn' russkogo Parizha za polveka (1924–1974): Ehsse, vospominaniya, stat'i* [Literary Life of Russian Paris for Half a Century (1924–1974): Essays, Memoirs, Articles]. Paris, Al'batros Publ., New York, Tret'ya Volna Publ., 1987, 352 p.
- Pomerantsev K.D. *Skvoz' smert': Vospominaniya* [Through Death: Memories]. London, Overseas Publications Interchange Publ., 1986, 193 p.

21. Zlobin V.A. *Tyazhelaya dusha: Literaturnyi dnevnik. Vospominaniya. Stat'i. Stikhotvoreniya* [Heavy Soul: Literary Diary. Memories. Articles. Poems]. Moscow, Intelvak Publ., 2004, 623 p.
22. Bryusov V.Ya. Sergei Makovsky: Collected Poems. The First Book: review, *Vesy: Ezhemesyachnik iskusstv i literatury* [Libra: Monthly of Arts and Literature]. Moscow, Skorpion Publ., 1905, no. 4, p. 65 (in Russ.).
23. Annenkov Yu.P. *Dnevnik moikh vstrech: Tsikl tragedii* [Diary of My Meetings: The Cycle of Tragedies]. New York, Mezhdunarodnoe Literaturnoe Sodruzhestvo Publ., 1966, vol. 2, 350 p.
24. Makovsky S.K. Introduction, *Apollon* [Apollo], 1909, no. 1, pp. 3–4 (in Russ.).
25. Makovsky S.K. *Na Parnase "Serebryanogo veka"* [On Parnassus of the "Silver Age"]. Munich, Izdatel'stvo Tsentral'nogo Ob"edineniya Politicheskikh Ehmigrantov iz SSSR (TSOPEH), 1962, 370 p.
26. Makovsky S.K. *Stranitsy khudozhestvennoi kritiki. Kniga pervaya: Mysli i vpechatleniya o khudozhestvennom tvorchestve sovremennogo Zapada...* [Pages of Art Criticism. The First Book: Thoughts and Impressions on the Artistic Creation of the Modern West]. St. Petersburg, Izdanie Sodruzhestva, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1906, 183 p.
27. Makovsky S.K. (ed.) *Narodnoe iskusstvo Podkarpatskoi Rusi* [Folk Art of Subcarpathian Russia]. Praga, Plamya Publ., 1925, 157 p.
28. Makovsky S.K. *Poslednie itogi zhivopisi* [The Last Paintings]. Berlin, Russkoe Universal'noe Izdatel'stvo, 1922, 167 p.
29. Makovsky S.K. *Sobranie stikhov: Kniga pervaya* [Collected Poems: The First Book]. St. Petersburg, Izdanie Sodruzhestva, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1905, 128 p.
30. Makovsky S.K. *Requiem: Devyataya kniga stikhov* [Requiem: The Ninth Book of Poems]. Paris, Rifma Publ., 1963, 75 p.
31. *Mosty: literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh* [The Bridges: Literary, Artistic and Socio-Political Almanac]. Munich, Izdatel'stvo Tsentral'nogo Ob"edineniya Politicheskikh Ehmigrantov iz SSSR (TSOPEH), 1960, Book 4, 330 p.
32. Forshteter M.A. *Izbrannye stikhotvoreniya (1916–1958)* [Selected Poems (1916–1958)]. Paris, Tip. Bereznaya Publ., 1960, XXI, 69 p.
33. *Mosty: literaturno-khudozhestvennyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh* [The Bridges: Literary, Artistic and Socio-Political Almanac]. Munich, Izdatel'stvo Tsentral'nogo Ob"edineniya Politicheskikh Ehmigrantov iz SSSR (TSOPEH), 1961, Book 6, 382 p.
34. Lobanov V.M. *Kanuny: Iz khudozhestvennoi zhizni Moskvy v predrevolyutsionnye gody* [Canunes: From the Artistic Life of Moscow in the Pre-Revolutionary Years]. Moscow, Sovetskii Khudozhnik Publ., 1968, 296 p.
35. Makovsky S.K. *Vecher: Vtoraya kniga stikhov (1918–1940)* [Evening: The Second Book of Poems (1918–1940)]. Paris, 1941, 125 p.
36. Makovsky S.K. *Na puti zemnom: Shestaya kniga stikhov* [On the Way of the Earth: The Sixth Book of Poems]. Paris, Rifma Publ., 1953, 46 p.
37. Makovsky S.K. *Somnium Breve: Stikhi: Tret'ya kniga stikhov* [Somnium Breve: Poems: The Third Book of Poems]. Paris, La Presse Française et Etrangère Publ., 1948, 126 p.
38. Makovsky S.K. *Krug i ten': Pyataya kniga stikhov* [The Circle and the Shadow: The Fifth Book of Poems]. Paris, Rifma Publ., 1951, 46 p.
39. Makovsky S.K. *V lesu: Sed'maya kniga stikhov* [In the Forest: The Seventh Book of Poems]. Munich, 1956, 46 p.
40. Makovsky S.K. *Eshche stranitsa: Vos'maya kniga stikhov* [Another Page: The Eighth Book of Poems]. Paris, 1957, 46 p.
41. Makovsky S.K. *God v usad'be: Stikhi: Chetvertaya kniga stikhov* [The Year in the Estate: Poems: The Fourth Book of Poems]. Paris, 1949, 109 p.
42. Meier G.A. Sergei Makovsky and the Silver Age: (To the Anniversary of S.K. Makovsky's Death), *Grani: zhurnal literatury, iskusstva, nauki i obshchestvenno-politicheskoi mysli* [Grani: a journal of literature, art, science and socio-political thought], 1963, no. 54, pp. 209–217 (in Russ.).